

Во дворце Куньнин было тихо — дворцовый пир завершился.

Императрица Сюй вернулась во дворец поздно, и как только она прибыла, из Восточного дворца пришли вести: наследный принц возвратился в дурном расположении духа и погрузился в молчание.

— Наследный принц заперся у себя во дворце, говорит, что хочет покоя, и просит, чтобы никто из слуг его не тревожил, — доложила дворцовая служанка.

После возвращения в Восточный дворец наследный принц даже устроил вспышку гнева — редкое явление. В Восточном дворце все привыкли видеть лишь кроткий нрав наследного принца; впервые они стали свидетелями того, как он потерял самообладание.

Императрица Сюй наливала себе горячий чай, слушая доклад служанки, и её пальцы кружили по ободку чашки.

— Холодно. Пошлите кого-нибудь принести ему тёплую мантию.

Служанка поспешно удалилась, оставив подле императрицы лишь её личную прислужницу.

— Как же так вышло, что я не знала, что наследный принц искал резчика по нефриту?

— спросила императрица Сюй.

— Его высочество держал это в тайне от дворца, говоря, что желает преподнести вам сюрприз, ваше величество, — ответила служанка.

Сюрприз... Это действительно было в духе её сына. Но когда дело касалось столь важного события, как пир в честь дня рождения, взгляд императрицы Сюй потемнел, и она сделала глоток чая.

— Вот как? Обманывает вышестоящих и скрывает от нижестоящих — нет нужды ему больше оставаться во дворце Куньнин.

Служанка при этих словах умолкла. Её величество всегда была такой. Когда она рожала наследного принца, это едва не стоило ей жизни; в то время императорские лекари в один голос твердили, что дитя не спасти. Его величество приказал им в первую очередь спасти императрицу, прибегнув к сильным снадобьям. К счастью, всё обернулось благополучно, и наследный принц родился здоровым. Но здоровье императрицы после родов было подорвано, и последующие беременности стали затруднительны. Когда она пришла в сознание, она долго

смотрела на наследного принца, и с тех пор её нрав резко переменялся — она стала чрезвычайно осторожна с его высочеством.

Когда наследный принц в детстве тяжело болел, она месяц молилась в храме и с тех пор посвятила себя буддизму, молясь о его благополучии.

В делах, касающихся наследного принца, хотя внешне она ничего не показывала, всё устраивала лично.

На этот раз подготовка подарка ко дню рождения шла уже давно. Семья Сюй уже начала распространять слухи о добродетельной репутации наследного принца, и никто не ожидал, что он станет действовать самовольно. Однако, несмотря на это, её величество не отвернулась от наследного принца. Она лишь сказала, что его высочество ещё молод и нуждается в закалке, и особо объяснила всё великому секретарю Сюю.

Со временем во дворце все говорили, что её величество благодаря своей преданности буддизму обрела натуру Будды, но правда заключалась в том, что такое спокойствие сохранялось лишь до тех пор, пока дело не касалось наследного принца.

Когда же речь шла о наследном принце, каждое действие её величества было яростнее, чем у кого-либо другого.

Во дворце было тихо. Одна из служанок уже вышла, и вскоре снаружи слышались крики.

Императрица Сюй оставалась неподвижна, её нефритово-белая рука покоилась на чашке, ритмично постукивая по ней — удар за ударом, словно по деревянной рыбе.

— Это был дар наложницы Нин?

— спросила императрица Сюй.

— Поздравительная дань поступила из дворца Вэйян, так что её, должно быть, подготовила наложница Нин, — ответила служанка почтительным голосом.

— Я навела справки: наложница Нин поручила своим дворцовым слугам приготовить подарок. Его высочество Шестой принц всегда следовал указаниям наложницы Нин, так что поздравительная дань несёт на себе отпечаток её руки.

— Она весьма предусмотрительна, — кратко произнесла императрица Сюй.

— Пошлите ей немного мелких корней женьшеня. Раз его величество пожаловал дары, дворец Куньнин не может пренебрегать надлежащим этикетом.

Вскоре после окончания пира по дворцу уже поползли слухи. Весть о том, что специально приготовленная наследным принцем Нефритовая статуя зверя была оттеснена на второй план подарком Шестого принца, разнеслась повсюду. Другие наложницы даже посылали людей в окрестности дворца Куньнин, чтобы разузнать о положении дел в Восточном дворце. Его величество в эту ночь не пришёл, и некоторые даже говорили, что из-за происшествия на пиру его величество отдалился от наследного принца.

— Великий секретарь Сюй прислал письмо.

Дворцовая служанка передала императрице Сюй тайное послание. В конце сегодняшнего пира великий секретарь Сюй поручил кому-то доставить его.

Семья Сюй редко отправляла письма во дворец, особенно теперь, когда его величество вернулся в столицу, — любое движение привлекло бы внимание.

Императрица Сюй слегка приоткрыла глаза, принимая тайное письмо от служанки. Увидев написанные внутри иероглифы, она замерла. В письме кратко упоминались последние веяния при дворе и в стране, и один иероглиф «Шэнь» был особо выделен — она крепче сжала бумагу. На сегодняшнем пиру произошло несколько перемен: сначала Храм павших воинов, затем семья Нин. Если бы семья Нин не выступила вперёд, это поручение, скорее всего, досталось бы министру ритуалов. Министр ритуалов имел тесные связи с принцем Юнцзя. То, что его величество теперь отдал это задание семье Нин, казалось, указывало на иные намерения.

Что же касается семьи Шэнь, то речь могла идти только о нынешнем заместителе министра обороны Шэнь Чанцуне — человеку, который при дворе не склонялся ни в ту, ни в другую сторону, оставаясь твёрдым нейтралом.

Его величество сегодня вернулся во дворец рано, и её отец упомянул семью Шэнь в такое время...

— Назревают неприятности, — произнесла императрица Сюй.

— В ближайшие дни будьте бдительнее.

Служанка подтвердила приказ.

Тайное письмо было полностью уничтожено. Взгляд императрицы Сюй метнулся, и она заметила что-то на столе.

— Что это?

— Это принёс его высочество Шестой принц, — сказала служанка, заметив, куда упало внимание её величества.

— Ваше величество, вы забыли. Когда вы увидели, что Шестой принц выглядит слабым, вы приказали мне дать ему грелку для рук. Позже он вернул её вместе с саше.

Когда ей напомнили, императрица Сюй, казалось, припомнила этот случай. Она посмотрела на саше, которое служанка передала ей, — явно благословенное саше из столичного храма, наполненное пеплом благовоний. Саше было лёгким и мягким. Но после сегодняшнего происшествия её первоначальное доброжелательство угасло.

— Шестой принц и впрямь предусмотрителен.

Саше легко упало на стол, испачканное чаем.

Императрица Сюй закрыла глаза, больше не заботясь о саше.

— Выбросьте это.

* * *

Ин Фушэн два дня пролежал в перемежающейся лёгкой лихорадке, прежде чем его состояние улучшилось.

Сун Ань заметил, что в эти дни его высочество был очень прилежен в приёме лекарств. После пира разнеслись вести, и многие следили за дворцом Цынин. Но его высочество оставался спокоен, выздоравливал как полагалось, пил лекарства охотнее обычного. Каждый день он наносил визит почтения вдовствующей императрице, а в остальное время не покидал своих покоев.

После пира из дворца Цяньцин прибыли награды. Наложница Нин тоже прислала несколько вещей. Дары из разных дворцов были свалены в одну сторону. Его высочество лишь спросил о них, затем отложил императорские дары, оставил для повседневного пользования кое-что ценное, а остальное распродал.

В тот день после пира его высочество приказал ему вернуть грелку для рук. Каким-то образом императрица Сюй тоже прислала укрепляющие средства, особо доставленные во дворец Цынин.

Его высочество не стал расспрашивать, просто велел ему оставить их.

Сун Ань на самом деле желал, чтобы его высочество оставлял больше вещей, но его высочество, казалось, был равнодушен к таким предметам, предпочитая золото. Он даже наставлял Сун Аня приберечь золото, говоря, что оно пригодится позже.

— Ваше высочество, во дворце золотом не дают чаевых, — сказал Сун Ань, привыкший к бережливости.

— Раздавать столько золота на благодарности — это меня удручает.

Ин Фушэн легонько стукнул его по лбу.

— Это золото нельзя использовать для чаевых во дворце, но за пределами дворца всё иначе. Хотя власть важна, в некоторых делах деньги всё же полезнее власти.

Сун Ань заколебался. Его высочество сейчас находился во дворце — зачем же он думал о делах за его пределами?

Но он послушно следовал указаниям Ин Фушэна, собирая и припрятывая вещи, присланные из разных дворцов.

Казалось, после пира их положение значительно улучшилось. Слуги дворца Цынин относились к ним всё так же по-доброму. Даже наложница Нин прислала много вещей — всё внимание, которого им не хватало в предыдущие годы, вдруг обрушилось на них разом. Более того, другие дворцы выжидали, что же произойдёт с дворцом Вэйян. Однако вдовствующая императрица не позволила Шестому принцу вернуться, а вместо этого отклонила просьбы наложницы Нин и оставила Шестого принца во дворце Цынин. Этот ход привёл большинство в замешательство, и все гадали, что же происходит.

Когда другие прощупывали его, Ин Фушэн оставался непоколебим, продолжая выздоравливать. Пока однажды, едва проснувшись, он не был потревожен шумом снаружи дворца Цынин.

В дверях появилось несколько незнакомых лиц. Среди них был главный евнух с бледным, чисто выбритым лицом, одетый в тёмно-пурпурный расшитый халат с питонами. Все остальные евнухи относились к нему с почтением. Он неподвижно стоял в тени, и лишь изредка, когда он поднимал взгляд, в его глазах мелькал острый блеск. Казалось, он прождал уже некоторое время. Увидев Ин Фушэна, вышедшего из зала, он поклонился и произнёс:

— Ваше высочество.

Ин Фушэн заметил госпожу Юй, и его мысли заметались — он понял, кто этот человек.

Тот, кто мог заставить слуг дворца Цынин быть в такой повышенной готовности, мог быть только кем-то из приближённых его венценосного отца из дворца Цяньцин.

В дворце Цяньцин высший по рангу евнух подле его отца, по фамилии Жун.

Голос евнуха Жуна был негромок, но говорил он чётко и размеренно:

— Здоровье вашего высочества поправилось?

— Благодаря заботе отца мне стало гораздо лучше, — ответил Ин Фушэн, скрывая свои глубокие мысли.

Услышав это, евнух Жун произнёс:

— Я передаю устный указ его величества: Шестой принц должен явиться на военное тренировочное поле для церемонии.

Ин Фушэн чуть замедлил движения, а затем быстро всё понял.

— Ваш сын повинуется указу.

Евнухи дворца Цяньцин редко являлись доставлять указы лично. Устный указ прибыл как раз тогда, когда здоровье Ин Фушэна пошло на поправку, — время было выбрано почти идеально.

В прошлом такие указы отправлялись бы прямо во дворец Вэйян или даже были бы проигнорированы, учитывая его статус, — он был недостаточно значим, чтобы его венценосный отец обращал на него особое внимание. Но сегодня, с прибытием евнуха Жуна, в сочетании с дарами из разных дворцов за последние несколько дней, он знал, что пир достиг своей цели.

Ин Фушэн подавил свои подозрения, остро ощущая атмосферу во дворце Цынин. Сун Ань уже поспешно принёс подобающую придворную одежду. Ин Фушэн раскинул руки, и Сун Ань помог ему облачиться в верхние одежды.

— Её величество вдовствующая императрица уже отбыла на военное тренировочное поле. Она особо наказывала, чтобы ваше высочество, если пойдёте, оделись теплее, — сказала госпожа Юй, принеся плащ на лисьем меху.

Ин Фушэн ответил:

— Благодарю, бабушка.

* * *

Военное тренировочное поле находилось сразу за городской стеной, недалеко. Как один из королевских тренировочных полигонов, здесь был расквартирован столичный гарнизон. Ещё не

доехав, Ин Фушэн издали мог видеть торжественную картину: пехота в строю двигалась в совершенном унисоне, выставляя и убирая копья с чёткой точностью в такт барабанному бою, и оружие сверкало под солнцем.

У него не было воспоминаний о том, чтобы он когда-либо наблюдал за событиями на военном тренировочном поле. Или, возможно, такое и было, но он был слишком болен, чтобы ему об этом говорили. Что он знал, так это то, что его выступление на дворцовом пиру привлекло внимание императора; иначе евнух Жун не явился бы лично, чтобы передать устный указ.

Палаткин остановился, и Ин Фушэн, опираясь на руку Сун Аня, сошёл вниз. Напряжённая атмосфера тренировочного поля, казалось, превратилась в пронизывающий ветер, подступающий всё ближе.

Он отбросил посторонние мысли и последовал за провожатым-евнухом внутрь.

На самом высоком месте тренировочного поля уже лично присутствовал император. Кроме него, там были вдовствующая императрица и императрица.

Ин Фушэн прибыл поздно, и как только он появился, взгляды со всех сторон быстро скользнули по нему.

Неподалёку от императорского места наследный принц, облачённый в свои великолепные одежды, увидел прибытие Ин Фушэна, и его выражение слегка изменилось, но он быстро взял себя в руки. Однако Восьмой принц рядом с ним не сумел сохранить самообладание; на его лице читалось отвращение, и его враждебность к Ин Фушэну была очевидна для всех.

— Почему он здесь?

— пробормотал Восьмой принц, скривив губу.

Наследный принц успокоил Восьмого принца, и его взгляд стал глубоким.

— Восьмой брат, следи за словами.

Место Ин Фушэна было рядом с местом Восьмого принца, и многие поблизости бросали на него взгляды.

В королевской семье Великой Юань, будь то принцы или принцессы, не было ограничений ни на учёбу, ни на военную подготовку.

Ин Фушэн бросил быстрый взгляд на собравшихся императорских потомков; большинство были примерно его возраста. Те, кто смотрел на него, в основном имели прямой, несдержанный

взгляд Восьмого принца — прямолинейность, ещё не постигшую всех тонкостей власти, — полный презрения и любопытства. Ин Фушэн не обратил на них внимания, вместо этого устремив серьёзный взгляд на наследного принца.

Хотя наследный принц сохранял самообладание, цепляясь за свою обычную лицемерную маску, он не мог не сжать кулаки, встретившись глазами с Ин Фушэном.

С высоты император окинул взглядом собравшуюся толпу. Увидев, что все заняли свои места, он заговорил:

— Я призвал вас всех сюда сегодня не по какой иной причине. Вы все становитесь старше, и пришло время выбрать несколько юношей из знатных семей, чтобы они служили товарищами по учёбе во дворце.

Как только эти слова прозвучали, выражения лиц собравшихся принцев и членов императорского клана изменились. В последние годы император был занят военными кампаниями и редко обращал внимание на задний дворец или своих детей. Но в прошлом, когда выбирали товарищей по учёбе для принцев, каждый дворец представлял список на рассмотрение, и, если кандидаты подходили, их приводили во дворец, или же император сам назначал их.

— Выбор товарищей по учёбе... Такого ещё никогда не было.

— У его высочества наследного принца нет товарища по учёбе. Его величество, должно быть, выбирает его для него.

Многие тут же посмотрели на наследного принца. То, что у наследного принца не было товарища по учёбе, секретом не являлось.

Многие при дворе, надеясь снискать расположение семьи Сюй, выражали свои пожелания великому секретарю Сюю и императрице. Но поскольку великий секретарь Сюй был ветераном двух правлений, а императрица действовала с величайшей осторожностью, вопрос о товарище по учёбе для наследного принца так и не был решён. Любому здравомыслящему человеку было ясно, что семья Сюй ждала личного назначения от императора.

Ин Фушэн на мгновение опешил, и его рука, наливавшая чай, замерла. Лишь тепло чашечного ободка вернуло его к реальности. В его прошлой жизни такого никогда не случалось... Он вспомнил товарищей наследного принца по учёбе: после дворцового пира в его прошлой жизни наследный принц прославился на всю страну, и император лично назначил ему двух товарищей по учёбе. Те двое позже, вместе со стоявшими за ними силами, стали ключевой опорой фракции наследного принца, способствуя его восхождению на трон.

Когда император закончил говорить, евнух Жун объявил о выходе семей.

— Приглашается Чжоу Цинъюань, сын Чжоу Бинцзюня, министра работ.

— Приглашается Лю Юньши, сын главного судьи Судебного приказа...

С края тренировочного поля вошли юноши примерно одного возраста, и все поклонились в знак приветствия.

Те, кто мог попасть в список кандидатов в товарищи по учёбе, были либо из могущественных знатных семей, либо из учёных семей с незапятнанной репутацией.

Пока евнух громко выкрикивал имена, выражение лица Ин Фушэна слегка изменилось. Среди этих юных, свежих лиц ему почудилось смутное чувство знакомства. Его взгляд упал на одного юношу вдалеке, одетого в лунно-белое конфуцианское одеяние, с красивым, ясным лицом и неповторимым спокойствием в бровях и глазах. Он приветствовал императорских потомков с изяществом, без раболепия и заносчивости, уже обладая манерами будущего выдающегося деятеля.

Это был Чжоу Цинъюань, младший сын министра работ Чжоу Бинцзюня. Вундеркинд, поразительно умный, он был одним из товарищей по учёбе, которых император в прошлой жизни Ин Фушэна лично назначил наследному принцу.

Лицо наследного принца не выказывало никакой реакции, но внутри он уже был взволнован, особенно когда смотрел на Чжоу Цинъюаня, — его взгляд был почти нежен.

Не только наследный принц; все императорские потомки имели свои собственные мысли.

Особенно Седьмой принц, младший сын наложницы Юнь. Наложница Юнь родила его величеству двух сыновей: старший принц уже покинул дворец и основал собственную резиденцию, в то время как Седьмой принц достиг возраста для начального образования.

В тот момент, хотя другие императорские наложницы отсутствовали, наложница Юнь сидела на возвышении.

Семья Юнь сражалась вместе с императором-основателем долгие годы и была престижным кланом с самого зарождения Великой Юань, с глубокими корнями и обширными связями, тесно связанная с могущественными сановниками и знатью. Покинув дворец, старший принц внёс значительный вклад в Министерство доходов и имел тесные дела с сильными мира сего, а его влияние постепенно приближалось к влиянию фракции наследного принца.

Борьба между чистыми учёными-чиновниками и могущественной знатью продолжится и в последующих поколениях.

Но... мысли Ин Фушэна наполовину отступили. Он думал о других вещах. В его прошлой жизни

такого отбора никогда не было. Учитывая глубокое уважение его величества к наследному принцу, этот процесс на самом деле был излишним.

Тут он не мог не взглянуть на императора.

Император был спокоен, но, упомянув вопрос о товарищах по учёбе, он бросил на наследного принца многозначительный взгляд. Наследный принц, казалось, ничего не заметил; вопрос о товарищах по учёбе и отборе глубоко его занимал, и он совершенно не осознавал, что император уже наблюдает за ним.

В этом, казалось бы, сбалансированном отборе силы, стоящие за наследным принцем и Седьмым принцем, имели свои собственные расчёты.

Ин Фушэн отвёл свои наблюдения. Единственной переменной мог быть дворцовый пир. Император был недоволен выступлением наследного принца на пиру; он не сделал прямого назначения, а вместо этого превратил его в отбор. Могло ли дело быть только в этом?

Пока он размышлял, голос, объявлявший имена, изменился:

— Приглашается Шэнь Юньфэй, сын Шэнь Чанцуня, заместителя министра обороны.

Когда Ин Фушэн услышал это имя, его выражение слегка изменилось, и некоторые связи вдруг стали ясны.

Среди собравшихся пробежал лёгкий ропот. Он проследил за взглядами и увидел, что многие смотрят на юношу. Молодому человеку на вид было около двенадцати лет, с юным лицом и едва заметной тенью усталости. Шэнь Юньфэй был младшим сыном заместителя министра обороны Шэнь Чанцуня. В последние годы карьера Шэнь Чанцуня процветала; он был известен своей неподкупностью и независимостью, часто пренебрегая махинациями власть имущих при дворе и в стране.

Особенно теперь, когда министр обороны собирался уйти в отставку. Как только это случится, должность министра станет вакантной, и Шэнь Чанцунь был самой подходящей кандидатурой.

Но одно важное происшествие при дворе несколько дней назад всё изменило. После амнистии императора тщательное расследование в Министерстве обороны вскрыло старое дело: во время войны кто-то скрыл военные разведданные и подделал ведомости на жалованье, задержав военные операции и едва не приведя к поражению на передовой. Позже несколько партий военного жалованья пропали. Император был в ярости и приказал Министерству юстиции совместно с Судебным приказом и Цензоратом провести тщательное расследование. Заместитель министра обороны Шэнь Чанцунь, как чиновник, занимавшийся этим делом, был замешан и до сих пор не мог оправдаться.

Никто не ожидал, что Шэнь Юньфэй окажется среди кандидатов на отбор.

Если бы семья Шэнь не попала в беду, все бы соперничали за возможность установить с ними связи. Но теперь сам заместитель министра Шэнь находился в трудном положении.

Его появление здесь, какими бы ни были намерения его величества, заставляло других колебаться и не приближаться.

Увидев ропот вокруг, Сун Ань спросил:

— Этот молодой господин Шэнь настолько выдающийся?

Ин Фушэн внезапно кое-что понял и кратко ответил:

— Боюсь, никто не захочет его выбирать.

Шэнь Юньфэй исполнил ритуал, чтобы засвидетельствовать почтение его величеству, и его взгляд краем глаза метнулся к наследному принцу, словно он хотел что-то сказать.

Увидев Шэнь Юньфэя, лицо наследного принца слегка помрачнело. В течение многих лет наследному принцу полагалось иметь по крайней мере двух товарищей по учёбе. Ранее семья Сюй уже отобрала для него товарищей, ожидая лишь личного одобрения его величества. Среди них был и Шэнь Юньфэй... но это было до того, как семья Шэнь оказалась замешана в деле о военном жалованье.

Ин Фушэн поставил свою чашку, и тепло медленно распространилось по кончикам его пальцев, пока он всё это осознавал.

Так вот почему потребовался отбор. Созывая сюда всех императорских потомков соответствующего возраста, его величество преследовал глубокие намерения.

Дюжина или около того кандидатов в товарищи по учёбе выступила вперёд. Оценка благородного мужа включала бы Шесть искусств.

Великая Юань ценила воинскую доблесть. Вряд ли император выбрал тренировочное поле просто так. Вскоре вперёд вышел председательствующий экзаменатор. На тренировочном поле было расчищено большое пространство, приготовлены отличные кони и мишени для стрельбы — очевидно, испытание было по верховой езде и стрельбе из лука!

Шэнь Юньфэй был посредственен в академических науках, но преуспевал в боевых искусствах. Поскольку семья Шэнь в последние дни попала в беду, его величество избегал их видеть, а бывшие коллеги его отца не осмеливались предложить помощь. Быть избранным в товарищи по

учёбе было его единственным шансом. Если он покажет себя хорошо и станет товарищем наследного принца по учёбе, у него появится возможность предстать перед его величеством или получить помощь семьи Сюй.

Когда евнух подвёл коней, сердце Шэнь Юньфэя взволнованно забилося, и он совершенно не заметил вспышки злобы в глазах евнуха. Он сел на коня. Возможно, он не смог бы занять первое место в других состязаниях, но в верховой езде и стрельбе из лука он мог бы оторваться от других — шанс всё ещё был.

Впереди ударил гонг, и Шэнь Юньфэй немедленно пришпорил коня, пустив его в галоп.

Конь рванул вперёд, вздымая песок и пыль, мгновенно зарядив энергией окружающую атмосферу.

Седьмой принц неоднократно восклицал «Отлично!» и не мог удержаться, чтобы не покинуть своё место и не выйти вперёд, чтобы посмотреть поближе, оттеснив нескольких дворцовых слуг.

— Этот ребёнок, Малыш Седьмой, — произнёс император, улыбаясь со своего возвышения.

Рядом с ним наложница Юнь прикрыла лицо вышитым платком. Увидев, что Восьмой принц тоже встал и подошёл к смотровой зоне, её прекрасные глаза на мгновение задержались на императрице Сюй, и она тихо усмехнулась:

— Ещё молоды, не могут усидеть на месте. Восьмой принц тоже, в его возрасте, слишком любит играть.

Императрица Сюй сидела прямо, игнорируя провокацию наложницы Юнь.

Конные лучники сражались со всё большей яростью.

Шэнь Юньфэй вырвался далеко вперёд, и лишь Чжоу Цинъюань едва поспевал за ним.

Внезапно один из генералов, наблюдавших со стороны, нахмурился и с сомнением произнёс:

— Эта ведущая лошадь выглядит странно... Беда!

Когда конь Шэнь Юньфэя выходил из поворота на стрельбище, то ли из-за рыхлого песка, то ли из-за развевающегося флага за полем, вдалеке сверкнул блик света. Конь споткнулся на своём стремительном шагу, и его передние копыта подогнулись!

Шэнь Юньфэй только что выпустил стрелу, как внезапная потеря равновесия застала его врасплох, и его тело отбросило в сторону. Вокруг раздались испуганные вздохи. В этот критический момент Шэнь Юньфэй выгнул спину, используя всю свою силу, и заставил себя вернуться на коня. Но затем произошла внезапная перемена!

Вышедший из-под контроля конь проломил ограждение и понёсся к месту, где наблюдали императорские принцы.

Происшествие случилось так внезапно, что окружающая стража немедленно закричала:

— Защитить императора!

Рядом с сиденьями конь неожиданно направился прямо на Седьмого принца.

Седьмой принц стоял близко, чтобы лучше видеть, привыкший делать всё, что ему заблагорассудится, и никак не ожидал, что такое случится.

Император мгновенно поднялся, и его острый взгляд метнулся к стрельбищу.

Рядом с ним выражение лица императрицы Сюй слегка изменилось, и её рука ослабила хватку на буддийских чётках.

Обезумевший конь взвился на дыбы, готовый растоптать Седьмого принца. Шэнь Юньфэй немедленно натянул поводья, в последний миг развернув голову коня и вынудив изменить направление удара копыт, чудом избежав столкновения с Седьмым принцем.

В таких условиях Шэнь Юньфэй действительно сумел совладать с конём!

Как только все подумали, что положение стабилизировалось, копыта коня внезапно снова потеряли равновесие. Шэнь Юньфэй, едва восстановив контроль, мгновенно утратил равновесие. Прежде чем он успел натянуть поводья, чтобы остановиться, инерция была неудержима. Перенаправленный конь врезался в флаг, флаг сломался и, покачиваясь, начал падать.

Восьмой принц стоял, оцепенев от ужаса.

У Шэнь Юньфэя не было времени помочь ему. Затем в его поле зрения появилась фигура — юноша бросился вперёд, схватил Восьмого принца и оттолкнул его в сторону.

Это был Шестой принц!

— Флаг!

Флаг подломился и рухнул прямо в зону сидений.

Шэнь Юньфэй упал с коня, и его лицо стало блее полотна!

В этот критический миг вперёд метнулась фигура быстрее падающего флага.

Подобная тени, она двигалась; он ударил ногой по древку флага, в одно мгновение с силой изменив направление его падения.

Ин Фушэн отступил на два шага, следя за падающим флагом, а затем резко остановился.

Затем перед его глазами мелькнул тёмный силуэт.

Юноша приземлился, его движения были чёткими. В свои четырнадцать-пятнадцать лет его юность лишь подчёркивала его закалённую выдержку. Когда он проносился мимо, он нёс на себе загрубевшую стойкость пограничных ветров, облачённый в чёрное боевое одеяние. Вблизи он излучал неоспоримую остроту, словно вынутый из ножен холодный клинок, рассекающий ветер и снег.

Многие инстинктивно обернулись к упавшему флагу. Лишь Ин Фушэн, стоявший рядом с ним, спокойно поднял глаза, и его взгляд на мгновение встретился в воздухе со взглядом юного генерала — мимолётный взгляд на дворцовом пиру, теперь прямое противостояние.

Ци Ханьчжоу обернулся, встретив бледное лицо собеседника. Однако эти глаза не выказывали ни страха, ни ужаса — в самой гуще событий, и всё же каким-то образом отстранённые.

Совершенно незнакомые.

* * *

Император немедленно приказал подавить беспорядки на военном тренировочном поле.

Ин Фушэн отпустил Восьмого принца, и Восьмой принц, как только его отпустили, рухнул на землю. Остальные императорские потомки, видевшие всё это, пришли в себя и вздохнули с облегчением.

— Шестой брат...

— Восьмой принц посмотрел на Ин Фушэна, его лицо всё ещё было бледным, слова запинаясь,

и он всё ещё не пришёл в себя.

Ин Фушэн лишь слабо ответил и, прихрамывая, отошёл в сторону.

Это дело было чрезвычайно серьёзным. Император лично спустился, чтобы допросить виновных. Все лошади, используемые на тренировочном поле, были выращены в Императорском зверинце, и все отвечающие за них евнухи были допрошены. Шэнь Юньфэй упал с коня, его лицо было покрыто грязью, и у него не было времени даже подумать, ранен он или нет, — он поспешно опустился на колени, чтобы молить о прощении.

Евнух Жун быстро вернулся после расследования и доложил:

— Ваше величество, это был блик света. Конь, испугавшись света, понёс. Это не связано с молодым господином Шэнем.

Редко кто осмеливался использовать такие трюки на военном тренировочном поле, да ещё в присутствии императора. Лицо императора помрачнело, и он холодно произнёс:

— Продолжайте расследование.

После этого инцидента никто больше не осмеливался оставаться на тренировочном поле. Императрица Сюй и наложница Юнь удалились. Ци Ханьчжоу, доложив императору, также покинул тренировочное поле.

Ин Фушэн был легко ранен в руку и вышел в сопровождении Сун Аня.

— Ваше высочество, насколько серьёзна ваша травма?

— голос Сун Аня всё ещё дрожал от пережитого страха.

Ин Фушэн нахмурился, глядя на тренировочное поле вдалеке, а затем покачал головой:

— Ничего страшного.

Солнце уже садилось, отбрасывая кроваво-красные блики на половину тренировочного поля.

Когда Ин Фушэн покидал тренировочное поле, у выхода его уже ждала группа людей.

— Шестой принц.

Человек в чёрном боевом одеянии стоял там с несколькими солдатами, и, увидев, как Ин Фушэн выходит, он заговорил.

Ин Фушэн остановился, и его взгляд упал на говорившего: это был Ци Ханьчжоу.

На поясе Ци Ханьчжоу сверкнул серебряный знак — знак отличия Императорской стражи. В свои четырнадцать-пятнадцать лет он уже был назначен в Императорскую стражу, служа подле императора, что свидетельствовало о высочайшей степени доверия и чести.

— Генерал Ци, — Ин Фушэн узнал его личность, и в его голове вдруг возник образ из дворцового пира.

Помимо своего статуса юного генерала Императорской стражи, Ци Ханьчжоу имел и другую личность — он был старшим сыном генерала Северного гарнизона Ци Шэня, и всё ещё носил траур по своему деду, герцогу Ци, который недавно скончался.

Армия семьи Ци десятилетиями охраняла границы. Герцог Ци посвятил всю свою жизнь армии и скончался от болезни на северных рубежах.

Когда герцог Ци скончался, император издал специальный указ, приказав, чтобы это событие было отмечено наравне с церемониями для принцев. Что касается продолжительности траура, семья Ци была удостоена особой чести, и траур мог продолжаться. Но Ци Ханьчжоу снял траур по собственному желанию, выразив намерение служить при дворе в память о последней воле герцога Ци. Император был глубоко тронут и специально назначил Ци Ханьчжоу в Императорскую стражу, позволив ему служить подле себя. Это был первый случай в династии.

— Я здесь, чтобы поблагодарить ваше высочество за спасение Восьмого принца, — сказал Ци Ханьчжоу. Согласно правилам, он должен был защищать безопасность принцев, но у него не было времени среагировать, и вся заслуга принадлежала Шестому принцу.

Ин Фушэн взглянул на Ци Ханьчжоу и сказал:

— Генерал, должно быть, шутит. Ты устранил скрытую опасность одним ударом и гораздо лучше меня заслужил похвалу его величества.

Услышав это, Ци Ханьчжоу взглянул на Ин Фушэна и не ответил на его слова. Падающий флаг не причинил бы вреда, но этот Шестой принц говорил о заслугах перед венценосным отцом, словно о чём-то несущественном — это было неожиданно.

Ци Ханьчжоу не привык ходить вокруг да около и прямо сказал:

— Стремительная атака, наследный принц в ярости.

Слова эти прозвучали несколько неожиданно.

Ин Фушэн на мгновение опешил, а затем понял: в тот день на военном тренировочном поле присутствовала императрица. Когда флаг упал, императрица, скорее всего, была очень встревожена. Это происшествие помешало сегодняшнему отбору, но вскоре при дворе поползут слухи о том, что наследный принц провалил подготовку, а командующий, во всём полагающийся на семью Сюй, был легко выведен из строя неумелым клоуном.

Ци Ханьчжоу говорил о наследном принце, но на самом деле мог иметь в виду семью Сюй. Семья Сюй оскорбила семью Ци и множество генералов, служивших на передовой. Если бы в Императорской страже не хватало людей, Ци Ханьчжоу не среагировал бы на падающий флаг. Император, скорее всего, накажет только охрану. Для Ци Ханьчжоу разница между спасением и не-спасением невелика; Нефритовая Печать Императора не имеет ни малейшего значения. Но из-за остроты недавнего конфликта между фракцией Цинлю и военными, заместитель министра Нин на пиру дискредитировал военных генералов, поставив и наследного принца в неловкое положение. Теперь проблемы возникли и на военном тренировочном поле, что давало военным возможность для контратаки.

Неудивительно, что императрица Сюй так встревожилась, что отвлеклась.

По сути, происшествие на тренировочном поле было чисто военным делом, и старшие генералы армии были очень недовольны наследным принцем. Однако это не имело большого отношения к Ци Ханьчжоу.

Ци Ханьчжоу подошёл к нему не для простого приветствия.

Ин Фушэн улыбнулся:

— Спасибо, что сообщил.

Ци Ханьчжоу сжал свой хлыст и удалился, даже не оглянувшись.

Сун Ань проводил взглядом удаляющуюся фигуру генерала. Он не понял ни слова, кроме того, что генерал был очень высок.

Вдалеке, на тренировочном поле, солнце почти село.

Обратный путь во дворец был долгим, и Ин Фушэн не торопился. Палаткин мягко покачивался. Пальцы Ин Фушэна слегка сжались, и рана на плече потянула, причиняя лёгкую боль.

Ранее, на военном тренировочном поле, он толкнул Восьмого принца, и это было его решение, принятое в долю секунды. Даже такой простой поступок мог принести как вред, так и пользу. Ему было всё равно, действительно ли Восьмой принц испытывает к нему враждебность или

просто следует примеру взрослых и наследного принца. Он спас Восьмого принца; независимо от того, оплатит ли Восьмой принц ему добром или затаит обиду, это событие распространится повсюду. Только те, кто это увидит, поймут: я не питаю вражды к наложнице Чжао. Даже если у меня есть обиды, великодушные всё равно должно быть на моей стороне.

Сегодняшний отбор на тренировочном поле послужил скрытой цели. Император явно пользовался случаем, чтобы подавить семью Сюй, но втайне он, возможно, также хотел защитить наследного принца.

В конце концов, в деле о военном жалованье уже появился козёл отпущения. Отбор не удался; это был вопрос времени. Позже император мог бы прямо назначить товарищей по учёбе для наследного принца, и никто не осмелился бы сказать ни слова.

Ин Фушэн прикрыл глаза.

Он вспомнил судьбу Ци Ханьчжоу в прошлой жизни. В его предыдущей жизни семья Ци была полностью уничтожена. От герцога Ци до генерала Северного гарнизона Ци Шэня — все они пали в бою, мученически погибнув за свою страну. Эта трагедия до сих пор оставалась болезненным местом для тех гражданских и военных чиновников, что прошли через те годы. Когда пришло известие о смерти всей семьи Ци, даже небо над императорским городом на десять дней затянуло тучами.

В то время Ци Ханьчжоу едва исполнилось двадцать, и он находился в столице. Услышав эту весть, он в одиночку отправился к северным границам.

Эта поездка сделала его посмертным наследником герцога Ци.

При дворе Ци Ханьчжоу в то время не был заметной фигурой, просто сопровождал. Однако при границе, среди костей горького холода, он командовал оставшейся армией семьи Ци численностью в тридцать тысяч человек, удерживая армию вторжения за Линией обороны Ци на целых четырнадцать дней. Ценою жизни почти всех оставшихся солдат семьи Ци они выиграли достаточно времени для подхода подкреплений, не дав армии вторжения ступить на Центральные равнины.

Новости о его героических подвигах дошли до столицы, и император немедленно издал указ: сделать Ци Ханьчжоу наследником титула герцога Ци. Зал Тайхэ был в трауре, но Ци Ханьчжоу отклонил императорский указ.

Весь мир был потрясён: он отказывался от наследственного титула?

Такой поступок был беспрецедентным в династии, и император несколько раз пытался удержать его, но в конце концов сдался. Более того, Ци Ханьчжоу заявил, что заслуги семьи Ци принадлежат не ему одному, и попросил разрешения носить траур по павшим воинам северной границы в течение трёх лет. Император, глубоко тронутый, согласился.

Позже Ци Ханьчжоу ни разу не возвращался в столицу и не вступал в должность.

Он остался на северной границе, охраняя пустующий город в полном одиночестве.

Ин Фушэн открыл глаза, глядя в потолок паланкина, и медленно выдохнул.

В этой жизни всё было иначе. Вторжение, случившееся в его предыдущей жизни, ещё не началось, и такие генералы, как Ци Шэнь, были ещё живы. Означало ли это, что трагедии того года можно было бы избежать?

Сун Ань, поддерживая Ин Фушэна, внезапно остановился.

Ин Фушэн проследил за его взглядом и увидел вдалеке у дороги на корточках человека — вернее, не одного, а двоих, совсем молодых, прячущихся в траве у тропинки.

При их появлении мальчик постарше вздрогнул и спрятал младшего за спину.

— Кто вы такие?

— Сун Ань собирался окликнуть их, но Ин Фушэн остановил его.

Ин Фушэн слегка приподнял занавеску и увидел знакомые лица — это были те самые двое детей, которые несколько дней назад просили милостыню и сумели проникнуть в Императорский зверинец.

Сяо Чжоу и Ли Цинжунь.

Он не ожидал увидеть их снова так скоро. Поблизости было много стражников, и раньше Ин Фушэн предполагал, что кто-то им помогал, но теперь, столкнувшись с ними лицом к лицу на тренировочном поле, он понял, что без проводника эти двое не смогли бы проникнуть так глубоко.

У дороги Сяо Чжоу держал сестру на руках и тоже был весьма насторожен. Когда он увидел знакомое лицо в паланкине, его глаза слегка дрогнули.

— Старший брат, это тот хозяин, что подарил нам жареную курицу.

Ли Цинжунь держалась за брата и смотрела на Ин Фушэна, но боялась заговорить. Сяо Чжоу, казалось, хотел что-то сказать Ин Фушэну, но колебался из-за присутствия окружающих.

Ин Фушэн велел Сун Аню передать им немного серебра. Когда Сяо Чжоу получил серебро, он с

сомнением посмотрел на молодого господина в паланкине, но в конце концов взял сестру и быстро исчез в траве.

После их ухода госпожа Юй обеспокоенно сказала:

— Ваше высочество, тренировочное поле — охраняемое место. Эти двое здесь так поздно... может, стоит сообщить страже?

— Не стоит, — Ин Фушэн опустил занавеску.

Вскоре после их возвращения во дворец Цынин из дворца Цяньцин прибыли награды. Ин Фушэн спас Восьмого принца и был ранен; император, естественно, щедро наградил его.

Позже, как и ожидал Ин Фушэн, после события на тренировочном поле император прямо назначил Чжоу Цинъюаня и Лю Юньши товарищами наследного принца по учёбе, и никто не осмелился возражать.

Что же касается Шэнь Юньфэя, то ему не повезло. Хотя император и сказал, что это был не его промах, Шэнь Юньфэй затаил глубокую обиду на наследного принца, считая, что тот не пришёл ему на помощь в решающий момент. Семья Шэнь всё глубже увязала в расследовании, а Шэнь Юньфэй, упав с коня, выбыл из отбора и был забыт, не получив никакой должности.

Поскольку Ин Фушэн более или менее оправился от травм, он собрался нанести официальный визит во дворец Вэйян.

Приближался конец года. Новогодние визиты и подарки во дворце были в порядке вещей; Ин Фушэн подготовил несколько вещей и собирался лично навестить наложницу Нин.

В прошлом ему не нужно было делать такие приготовления, но после пира в честь дня рождения наложница Нин начала проявлять к нему некоторый интерес.

* * *

Дворец Вэйян.

Когда Ин Фушэн прибыл, во дворце Вэйян оказались гости. Заместитель министра Нин был во дворце, чтобы навестить наложницу Нин, и разговор как раз коснулся наследного принца.

Наследный принц вёл себя сдержанно и ещё не открыто поддерживал фракцию Цинлю. Но наложница Нин, услышав эту тему, нахмурилась.

— Разве император не выделил ему особо товарищей по учёбе? Тут уж ничего не поделаешь. Но для брата сейчас лучше всего не ввязываться в эти дела и держаться подальше от кого бы то ни было.

Заместитель министра Нин покачал головой:

— Шестой принц отличился на пиру, госпожа Чжао затаила обиду, а семья Сюй теперь смотрит на тебя, как на бельмо на глазу. Ты сейчас в положении, когда ветер дует со всех сторон. Лучше всё тщательно обдумать.

Семья Нин была глубоко вовлечена в инцидент с Храмом павших воинов, и теперь, когда император переложил на них часть ответственности, избежать этого было невозможно.

Пока они говорили, вошёл Ин Фушэн. Увидев заместителя министра, он поприветствовал его и назвал дядей.

— Твоё тело ещё не полностью исцелилось; зачем ты пришёл?

— спросила наложница Нин, велев служанке принести чай и указав Ин Фушэну на свободное место.

Вскоре заместитель министра Нин удалился, оставив наложницу Нин и Ин Фушэна одних во дворце.

— Я пришёл поблагодарить матушку за подарки, — сказал Ин Фушэн.

Наложница Нин некоторое время молча смотрела на него, а затем спросила:

— Шестой принц, император благоволит к наследному принцу. Твоя мать хотела бы спросить тебя, каковы твои намерения насчёт дворцового пира?

Ин Фушэн улыбнулся и ответил:

— Я всего лишь искал справедливости для матушки. Что же касается будущего, матушка, можешь не беспокоиться — я не стану соперничать с наследным принцем.

Услышав это, наложница Нин надолго задумалась, оценивая его решимость, а затем, казалось, приняла решение.

— Справедливость, говоришь? Раз так, матушка доверяет тебе это дело, — сказала наложница Нин и, порывшись, достала из рукава связку ключей.

— Пойдём со мной, я хочу тебе кое-что показать.

Ин Фушэн последовал за ней во внутренние покои. С помощью двух ключей наложница Нин открыла сундук и достала из него нефритовую шкатулку. Шкатулка была сделана из превосходного материала. Когда она открыла её, внутри лежал наполовину законченный медальон мира — с тонкой резьбой, изысканный и элегантный.

Ин Фушэн сразу узнал в нём тот самый, что был на пиру.

Наложница Нин сказала:

— Этот медальон предназначался для императрицы.

Ин Фушэн не удивился. В то время на пиру наложница Нин заметила что-то, что заставило её заменить подарок, вероятно, поняв, что медальон создаст проблемы, если его преподнести императрице.

— Я слышал, что когда-то императрица была с матушкой в очень хороших отношениях, — сказал Ин Фушэн.

Наложница Нин холодно усмехнулась:

— В хороших отношениях? Во дворце не бывает хороших отношений, которые не превратились бы в ненависть. Если бы не она тогда, я бы сейчас не была всего лишь простой наложницей. Я не могу открыто враждовать с ней сейчас, но и забыть эту обиду не могу.

Наложница Нин была красива и в юности пользовалась благосклонностью императора. После того как императрица Сюй родила наследного принца и её здоровье ухудшилось, она тайно настраивала против наложницы Нин и пользовалась доверием императора, из-за чего наложница Нин потеряла титул и была понижена. С тех пор она несла бремя простой наложницы.

— Теперь я понимаю, — Ин Фушэн не знал деталей этой вражды и, услышав это, лишь кивнул.

Наложница Нин погладила медальон и сказала:

— Брат Шэн, эта обида не должна быть забыта. Сможешь ли ты помочь матушке?

Ин Фушэн молчал мгновение, глядя на медальон.

Он пришёл во дворец Вэйян, чтобы спросить о другом деле, а не для того, чтобы влезать в

борьбу между фракциями, которая изнуряла императорский двор Второй Юань.

Но сейчас вражда наложницы Нин с императрицей Сюй облегчала дело. Он также не забыл, что сегодня, когда он пришёл, заместитель министра Нин упомянул о назначении наследного принца и влиянии Храма павших воинов. Семья Нин уже была замешана, и полностью отстраниться было невозможно.

— Сыновья почтительны, и это правильно — разделять заботы матери. Матушка, просто скажи, — медленно произнёс Ин Фушэн.

Наложница Нин слегка улыбнулась:

— В последние дни дела при дворе беспокойны, а императрица Сюй из-за наследного принца часто тревожится. Разве это не возможность? Семья Сюй думает о медальоне мира, но у нас под рукой как раз есть нефритовая статуя зверя.

— Матушка хочет, чтобы императрица и наследный принц поссорились?

— спросил Ин Фушэн.

Наложница Нин покачала головой:

— Ссора — это слишком мелко. Наследный принц находится под сильным влиянием императрицы и слушает всё, что она говорит. Они мать и сын, и поссорить их будет непросто. Но сомнение — недуг, поэтому лучше всего, чтобы у них зародилось сомнение.

Ин Фушэн понял её намерение и сказал:

— Предоставьте это дело мне.

Для вас старался Команда Webnovels []

<http://bllate.org/book/20149/1994161>